

členu a o pořadí tzv. malých slov při slovese. Syntaktická pravidla Marešova mluvnice nesleduje, probírá je jen v rámci popisu tvarosloví, pokud se k němu nějakým způsobem vztahují.

Nemáme v úmyslu v naší krátké zprávě podrobněji referovat o tom, jak jsou v jednotlivých kapitolech popsány makedonské gramatické jevy. Připomenutí si však zasluhuje metoda, kterou Mareš zvolil pro názornost svých výkladů. Projevuje se hlavně jazykem, a to především terminologií, která přibližně odpovídá mluvnickému názvosloví běžně užívanému na našich středních školách, a také uváděním četných názorných příkladů, včetně paralel s jinými jazyky; např. v pojednání o pádech nebo o kategorii určitosti jsou makedonské jevy konfrontovány se stavem ve francouzštině, italštině, angličtině i němčině.

Výklady jsou mnohdy ještě rozšiřovány dalšími doplňujícími informacemi, které — autor je označuje jako poznámky — jsou tištěny i odlišným (menším) typem písma. Obsahují např. upozornění na rozdíly, popřípadě i shody mezi makedonštinou a češtinou, na poměry v makedonském úzu, také na chyby, kterých se může Čech v makedonštině snadno dopustit, a celou řadu rozmanitých cenných rad a poučení. Považujeme tento způsob výkladu makedonské mluvnice za velice instruktivní. Odráží se v něm dokonalé Marešovo poznání makedonského jazyka a jeho slavistická erudice vůbec, jakož i dlouholetá pedagogická zkušenost na univerzitě.

Za poněkud rušivou skutečnost považujeme drobné odlišnosti od českých pravopisných norem (Mareš např. píše *dativ*, *nominativ* apod., zkratku *Dr* bez tečky aj. na rozdíl od Pravidel českého pravopisu, která předpisují pouze podoby *dativ* atd.). Publikaci neprospívají ani občasně chyby tiskové (překlepy), popř. i jiná nedopatření, mezi něž lze řadit např. výraz srbština. Do jisté míry vágní se nám jeví Marešův termín lidový jazyk.

Vzhledem k malému nákladu (jen 300 kusů) a také vzdálenému místu vydání se kniha dostane k čtenářům, kterým je svým pojetím vlastně určena, včetně našich studentů slavistiky a běžných zájemců o makedonský jazyk, spíše jen výjimečně. Ale i tak se stává její edice významným počinem v makedonsko-českých vztazích.

Karel Fic

Формирование норм русского литературного языка XVIII века. Сборник статей. Под ред. В. М. Маркова. Ижевск, Изд-во Удмуртского университета, 1994, 127 с. (ISBN 5-7029-0062-6)

Предлагаемый сборник статей посвящен проблематике формирования литературной нормы, истоки которой для русского языка связываются с XVIII в. На большом фактическом материале, полученном из различных источников XVIII в., авторы статей прослеживают динамику развития языковой нормы, отмечая сложность и противоречивость этого процесса.

В работе В. В. Колесова (Санкт-Петербург) «*Взаимоотношение стиля и нормы в представлении XVIII века*» (с. 3–14) подчеркивается, что становление нормы есть конечный результат развития системы языка. Норма есть познанная система. В протяжении этого важна не только работа художников слова, но также и ученых; в XVIII в. эту роль исполнял М. В. Ломоносов, в начале XIX в. — А. Х. Востоков.

Очень трудно объяснить причины грамматических изменений на протяжении исторического развития языка. Значительно легче определить их общий характер и обнаружить особенности их осуществления. Этому вопросу посвящена статья В. И. Чернова (Киров) «*Языковая норма и некоторые особенности развития грамматической системы*» (с. 15–22).

А. И. Орлова (Ижевск) в статье «*О статическом и динамическом аспекте нормы*» (с. 23–25) считает, что существенным признаком нормы является ее вариантность. В работе далее дается характеристика нормы современного русского языка.

Особый интерес в плане исторического изучения русской литературной нормы представляет язык XVIII в. Уникальным и богатейшим источником по изучению языка этой эпохи является язык М. В. Ломоносова. В статье «*О словаре языка сочинений М. В. Ло-*

моносова» (с. 26–32) Т. П. Законниковой (Ижевск) знакомится читатель с тем, что коллектив сотрудников кафедры русского языка Удмуртского университета работает над составлением картотеки словаря М. В. Ломоносова. В качестве конкретных иллюстраций в работе предлагается несколько готовых словарных статей по материалам писем.

В статье Т. А. Воронцовой (Ижевск) «*Переложения псалмов в поэзии XVIII века*» (с. 33–39) говорится о том, что все крупнейшие поэты XVIII в. обращались в своем творчестве к одному из самых популярных церковных текстов – псалтыри. Переложения псалмов считались соединяющим звеном между поэзией «книг церковных» и русской поэзией XVIII в.

Пополнение театральной лексики за счет заимствованных слов в период с конца XVIII до начала XIX в. стоит в центре внимания работы Э. А. Балалыкиной (Казань) «*Из истории театральной терминологии*» (с. 40–47).

XVIII век – это период наиболее интенсивного вхождения немецких слов в русский язык. Исследованием этой проблемы занимается А. П. Петров (Казань) в своей статье «*Немецкие заимствования в русском литературном языке XVIII века*» (с. 48–53).

О сдвиге развивающейся словообразовательной системы, зарегистрированных на основании анализа источников XVIII в., пишется в статье Л. С. Андреевой (Казань) «*Функционирование производных существительных исходного поля действия в источниках первой половины XVIII века*» (с. 54–63).

В течение XVIII в. накапливаются слова с приставкой *анти-* со значением противоположности, однако таких слов еще немного. Их активизация в XX столетии способствовала увеличению количества имен со значением лица. Данную проблематику анализирует М. Н. Булдакова (Ижевск) в статье «*К истории имен собственных с префиксом анти-*» (с. 64–69).

Э. В. Маркова (Ижевск) описывает в статье «*Словообразовательная синонимия существительных в языке писем М. В. Ломоносова – имена с нулевым суффиксом и -ние*» (с. 70–73) наиболее распространенный тип суффиксальной синонимии, зарегистрированной как в письмах М. В. Ломоносова, так и в его научных трудах.

В работе С. Г. Шейдаевой (Ижевск) «*Об отношениях между субъективно-оценочными производными и их производящими в русском языке – на материале переписки Г. Р. Державина*» (с. 74–83) дается анализ языка опубликованной в конце XIX в. сохранившейся переписки Г. Р. Державина и его автобиографических записок. Для нашего времени это закрепленная на письме живая речь конца XVIII столетия.

Вариантным написанием *-и*, *-е* в финалах существительных среднего рода в форме предл. п. ед. ч. уделяется внимание в статье Т. Н. Фоминой (Ижевск) «*Формы предложного падежа существительных среднего рода в языке М. В. Ломоносова*» (с. 84–91).

Формы прошедшего времени от глаголов на *-нуть* как современного продуктивного класса, так и непродуктивных претерпели значительные исторические преобразования в разные периоды своего существования в языке. К XVIII в. складываются в основном те нормы, которые характерны для современного языка. Лишь отдельные основы не подчинились сложившимся нормам; среди них наиболее частотными по употреблению являются основы *-вергнуть* и *-двигнуть*. Их история обсуждается в статье Л. А. Шарифуллиной (Казань) «*Из истории глаголов вергнуть, двигнуть*» (с. 92–97).

На протяжении XVIII в. период своего формального становления переживали деепричастия. Довольно широко они представлены в переведенной в первой четверти XIX в. с французского языка и изданной в 7 частях «*Всеобщей истории о мореходстве, содержащей в себе Начало оноу у всех народов, успех, нынешнее стояние, и морские, как древние, так и новейшие походы*». О способах их образования и функционирования в предложении знакомит нас Л. Р. Абдулхакова (Казань) в работе «*Особенности образования и функционирования деепричастий в первой четверти XIX века*» (с. 98–105).

В статье С. В. Черновой (Киров) «*Семантика и норма употребления модальных глаголов – на примере конструкций 'уметь + инфинитив'*» (с. 106–114) дается историческое изложение характеристики модального глагола *уметь*.

Изучение приемов использования знаков препинания тем или иным автором – один из аспектов исследования становления пунктуационной нормы. В работе О. М. Чупашевой (Мурманск) «О некоторых пунктуационных особенностях художественной прозы Н. И. Карамзина» (с. 115–121) рассматривается на материале повестей Н. М. Карамзина использование знака тире в синтаксических конструкциях XVIII в.

О том, как отразилось аканье на графике заимствованных слов, пишет Ю. А. Снегирев (Ижевск) в статье «Отражение аканья в памятниках московской деловой письменности XVIII века» (с. 122–126).

В конце настоящего сборника помещено *содержание* (с. 127), которое включает в себе обзор напечатанных статей.

Алеш Бранднер

Šaur, V.: *České náslovné j.* Slezská univerzita, Opava 1994, 121 s.

Autorem předkládané publikace je známý brněnský slavista Vladimír Šaur, který t. č. působí jako vysokoškolský učitel na Katedře bohemistiky nedávno zřízené Slezské univerzity v Opavě.

Recenzované práce předcházela celá řada studií, článků a recenzí. Z prací, které se tematicky vztahují k posuzované studii, můžeme vzpomenout např.: *J před zadními vokály ve staroslověňštině* (Slavia 57, 1988, 250–263), *Praslované jь- nebo i-?* (Slavia 60, 1991, 122–133), *Chronologie slovanských prejotací* (Slavia 60, 1991, 287–299), *Jaká je pravidelná střídnice psl. ě v násloví?* (Slavia 56, 1987, 5–13).

Recenzovaná publikace si klade za cíl pojednat o předstupování *j* v češtině na počátek slov domáčího původu, která (než *j* předstoupilo) začínala samohláskou.

Motivací vzniku práce byla skutečnost, že se na počátku 80. let objevila celá řada publikací o slovanských nářečích během historického vývoje, které vedly k přehodnocení dosavadního náhledu na danou problematiku.

Celá publikace se dělí na dvě části, a to obecnou a speciální. Autor pečlivě dbá na technickou stránku práce, precizně vymezuje jednotlivé oddíly a specifikuje jejich náplň. Striktně rovněž vymezuje téma a cíl práce.

Podle situace výskytu iniciálního *j* lze určit pět skupin slov: *s j* „etymologickým“ (kořenovým), *j* protetickým, *j* hiátovým, pračeským *j* protetickým a českým *j* zástupným. Autor si klade za cíl určit, o které *j* se v jednotlivých českých slovech jedná, případně se zamýšlí nad tím, zda není v konkrétním případě více možných výkladů.

V obecné části (s. 4–24) autor vymezuje jednotlivé termíny a zabývá se rovněž jejich vývojem. Uvádí poměrně rozsáhlý výčet odborných publikací, na kterých ilustruje, jak se měnil a upřesňoval obsah jednotlivých termínů. V odborné literatuře se totiž užívá pro předstupování *j* na počátku slov začínajících původně samohláskou označení *proteze*, *prejotace* nebo také *j-ový hiát*. Jednotlivé dosud publikované práce se náplní pojmů liší. To je také důvodem, proč je v knize vysvětlen obsah těch termínů, které svým pojetím byly pro autora výchozími.

Prejotace (jako základní termín práce) označuje objevení se hlásky *j* na počátku slova začínajícího etymologicky původně samohláskou. Autor užívá názvu „slovanské“ prejotace, protože jde o proces příznačný pro slovanské jazyky. U dalších dvou termínů je patrný vliv fonetiky. Proteze nastává v případě, že je zapotřebí vyslovit mezi pauzou po předchozím slově a samohláskou následujícího slova jakousi iniciálu (aby nezačínalo vrcholovou samohláskou); pokud se v proudu řeči setkává koncová samohláška předchozího a počáteční následujícího slova, vzniká na švu mezi nimi souhláska — v tom případě pak mluvíme o hiátu.

Část obecná obsahuje rovněž oddíl, který eliminuje slova, jež nejsou předmětem zkoumání, jako např. novodobé kulturní internacionalismy (*jantar*, *jóga*), vlastní jména (*Jan*, *Jakub*), nespisovná slova (dialektová a obhroublá), slova zastaralá nebo odvozená od příslušného slovního základu na *j-*. U dubletních tvarů (tzn., kdy existuje varianta *s j-* i bez *j-* na začátku) je směrodatná spisovná podoba.